

Дмитриева Людмила

16+

Легкое дыхание парижской весны

Современный роман

Людмила Дмитриева

Легкое дыхание парижской весны

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Дмитриева Л. В.

Легкое дыхание парижской весны / Л. В. Дмитриева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Мир моды изменчив и непредсказуем. Кто-то справляется с трудностями и идет вперед, а кто-то остается "за бортом". Но модельер Леон Дюбуа преодолел все испытания в жизни и стал знаменитым на всю Францию. Благодаря трогательной заботе жены и детей, а также помощи друзей, Леон не отступает от своей цели, а продолжает жить и творить.

Все имена и события вымышлены,
любое совпадение случайно.

Посвящается моему любимому мужу Олегу.

Глава 1

– Здравствуйте, Катрин, – девушка подошла ко мне поближе, и я почувствовала запах моих любимых духов от Нины Риччи. – Меня зовут Натали Мартен. Я знаю, что в связи с подготовкой к юбилею Вашего мужа, у Вас очень мало времени, но все-таки хочу просить Вас собрать для моей книги небольшое количество фотографий детства и юности Вашего супруга, известного модельера Леона Дюбуа, а также некоторые фотографии, которые не вошли в социальные сети и незнакомы широкой общественности. Хотелось бы, чтобы Вы поделились воспоминаниями о своем супруге. Мое издательство очень хочет успеть выпустить книгу к юбилею Вашего мужа.

Когда я согласилась встретиться с автором пяти книг о выдающихся людях Франции, я не знала, что увижу перед собой молодую женщину лет тридцати. Мне почему-то казалось, что Натали Мартен, которая очень подробно описывает жизнь и творчество знаменитых людей, должна быть солидной женщиной, с большим жизненным опытом. Но передо мной сидела стройная шатенка с большими зелеными глазами в узеньких брючках и коротеньком свитере. На шее у нее висела небольшая золотая цепочка с кулоном знака зодиака. Я присмотрелась и увидела, что по знаку зодиака она тоже Рак, как и я. Мне это понравилось. Ракам я всегда доверяла. На ушах висели маленькие сережки с зеленым камушком. Я обратила внимание на пальцы собеседницы. Они были тонкие и длинные. Обручального кольца не было, но это ничего не значило, так как в последнее время не все француженки носили кольца, и обручальные кольца часто оставляли дома из-за большой занятости. Они просто не успевали его надевать.

Большой блокнот с обычной ручкой говорил в ее пользу. Я не люблю, когда включают диктофон. После того как мне журналисты давали прослушать запись того, что я наговорила, я никогда не узнавала свой голос. Имея музыкальное образование, я знала, что у меня сопрано, но на диктофоне слышала какой-то очень тонкий и дребезжащий голос. Я потом не могла долго вникнуть в смысл моей речи, старалась быстрее согласиться со сказанным мной, а потом жалела. Эх, надо было этого не говорить или то не раскрывать. Но бывало уже поздно.

А здесь просто блокнот, страницы которого можно было вырвать или ненужное зачеркнуть.

– Здравствуйте, Натали. Я очень рада нашей встрече, и мне самой хотелось бы, чтобы читатели и широкая общественность узнала, как труден и тернист путь известного модельера, – я пригласила писательницу перейти в наш с мужем кабинет.

Это был не просто кабинет, а хранилище воспоминаний и самое большое пространство в нашем доме.

Натали Мартен широко распахнула глаза, и было от чего. По периметру комнаты стояли большие книжные шкафы, где хранились полные собрания сочинений Стендаля, Бальзака, Гюго и других французских писателей. Были книги американских, английских, итальянских и немецких писателей в оригинале, китайских, русских, японских, индийских, польских, болгарских и других писателей в переводе. Глаза разбегались.

– Скажите, пожалуйста, – спросила Натали, – а вы все это прочитали?

– Мы не просто все это прочитали, но и перечитываем регулярно, – ответила я. – Дело в том, что мы с мужем очень любим читать книги, а поскольку знаем языки, любим читать в оригинале. Кстати, Вы можете об этом написать в Вашей книге. Мы никого из журналистов не

приглашали в наш с мужем кабинет. Мы и сошлись с ним на этой почве. Он и я в детстве и в юности все свободное время посвящали чтению книг. Очень часто не высыпались по этому поводу. Я научилась читать в 5 лет, с тех пор не прерываю этого чудесного путешествия в творческий мир писателей. Я и профессию свою выбрала, рассматривая красочные иллюстрации в некоторых книгах. В то время чаще всего иллюстрации были черно-белые. Пока мама не видела, я их раскрашивала. Ох и влетело же мне однажды. Маме принесли почитать какую-то редкую книгу. Роман был любовный, но не такой, какой печатают сейчас, без всякой эротики. Просто кто-то посмотрел на девушку, поцелуи и объятия, но не более того. Я, конечно, прочитала эту книгу втихаря, чтобы никто не знал, но на последней странице была прекрасная иллюстрация: море и горы, вдалеке дельфины и двое на берегу стоят, держась за руки. Я раскрасила и море, и горы, и этих двоих, нарисовала даже красивую рамочку. Но маме ничего не сказала. Когда пришло время отдавать книгу, меня поставили в угол, я стояла два часа. Мне все это время выговаривала мама, что это чужая книга, что не хорошо брать без разрешения чужие книги, да еще и рисовать что-то. Но хозяйка книги пришла в восторг. Она сказала, что сама хотела раскрасить эту последнюю иллюстрацию, что у меня талант, и что глупо было меня держать два часа в углу. Эту книгу потом давали читать другим людям, и мамина подруга рассказывала про меня всем этим людям.

– Как это все интересно! Можно я об этом напишу. Мне удастся описывать документальные факты художественным слогом, – попросила Натали.

– Конечно, а то все считают, что модельеры только и делают, что рисуют, – сказала я. – Я покажу Вам его стол и эскизы, по которым муж уже сшил одежду, а также свой стол. Вы, наверное, думаете, что я рисую все на компьютере? Да, конечно, компьютерные технологии очень облегчили нам жизнь, но свои рисунки я создаю вручную, а потом уже переношу в компьютер.

– Скажите, пожалуйста, – спросила Натали после того, как сфотографировала мой стол и стол супруга, – а как Вы пришли к этой профессии? Я думала после Вашего рассказа, что Вы будете заниматься иллюстрациями к книгам, а тут такая редкая профессия.

– После художественной школы я долго думала, куда пойти учиться и поскольку шила в детстве своим куклам платья, юбки, кофточки и даже пальто, решила рисовать именно по ткани, поступила в Парсонс Париж, где обучали этому ремеслу. Я занимаюсь росписью по ткани много лет. Мы с мужем познакомились благодаря этой профессии, – ответила я.

– Расскажите, пожалуйста, это будет очень интересно нашим читателям, – попросила Натали.

Я подошла к книжному шкафу и открыла самую нижнюю полку. Там хранились все наши фотографии. Достав самый первый альбом, я разрешила Натали сканировать некоторые фотографии, а потом взяла свои и его детские фотографии. Я рассказала про детство супруга. Он рос в небогатой семье, его отец работал механиком на заводе, мать бухгалтером на небольшом производстве. Родители будущего известного модельера работали, не покладая рук. Сестру его звали Тереза, она была на десять лет его старше. Она удачно вышла замуж за известного винодела, родила троих ребятишек и сейчас спокойно занимается воспитанием внуков. Кстати, она тоже художник, ее картины покупают известные люди не только во Франции, но и за рубежом.

– К сожалению, родители мужа уже умерли, но они успели порадоваться успехам сына и дочери, продолжила я свой рассказ. – У меня же есть отец. Я часто навещаю его, он живет в пригороде Парижа. Очень увлекся садоводством, выращивает овощи и фрукты, которыми снабжает не только нас, но и своих младших брата и сестру.

Я показала фотографии и из своего детства. Вот я стою на берегу моря и смотрю на отплывающую яхту, вот я с сестрой Ирэн, которая тоже была старше меня на десять лет, вот я в художественной школе с одноклассниками выставляю свои первые работы на ярмарке. А это уже Леон с родителями и сестрой на своем первом показе.

– Мы с Леоном познакомились на показе одного известного в то время модельера. Он пригласил Леона, который только что окончил Марангони Париж и пришел работать к тому. Показ был шикарный. Как сейчас помню, десять вечерних платьев глубоких синих цветов и два свадебных платья белого и голубого цвета. Коллекция его так и называлась «Брызги моря». После показа был фуршет, как и полагается. Я, еще молодая девчонка, студентка Парсонс Париж, пришла на показ с подругой, которая принимала участие в показе в качестве модели. Мы с ней разговорились, и я обмолвилась, что поскольку коллекция называется «Брызги моря», на втором и третьем платьях не хватало на ткани белых полос. Меня услышал тот модельер. Он подошел ко мне и спросил, а какие бы полосы я хотела видеть на этих платьях. Моя подруга сделала большие глаза, призывая молчать. Но я всегда умела отстаивать свою точку зрения. Я взяла блокнот, который всегда носила с собой и разноцветные мелки. Я нарисовала на одной странице синий квадрат, представляя кусочек шелка, оставила много белого места, а потом дорисовала волнистые линии, заштриховывая синим цветом белые места. На другой странице такой же синий квадрат, но уже нарисовала белые зигзаги. Я сказала ему, что часто рисовала в детстве море, и видела белые волны. Подруга чуть в обморок не упала. Наверное, она пожалела, что пригласила меня. Модельер, однако, расхвалил мою идею, сказал, что в следующей коллекции обязательно эти идеи использует и спросил меня, где я учусь, и как мое имя. Я рассказала, что учусь в Парсонс Париж на втором курсе, и хочу работать художником по ткани. Рядом с ним стоял Леон Дюбуа, начинающий модельер, мой будущий супруг, который смотрел на меня, открыв рот.

Пока Натали записывала все это в блокнот и сканировала на моем скане фотографии, я задумалась.

Глава 2

Тот показ принес еще большую известность тому модельеру, мне работу и любовь всей моей жизни. Леон Дюбуа не отходил от меня весь вечер. Моя подруга была вымотана показом и хотела быстрее уехать домой, а я осталась. Мы разговорились с хозяином коллекции. Я показала эскизы тканей, которые хотела в будущем воплотить в жизнь. Модельер пришел в еще больший восторг, записал мои данные и сказал, что предоставит мне все условия для воплощения моих фантазий. Потом он оставил меня, отошел принимать поздравления от других приглашенных гостей, а Леон остался.

Мне вначале он не понравился. Поскольку мне всегда нравились высокие стройные брюнеты, и я встречалась с одним из таких, я совершенно не заинтересовалась им. Невысокого роста полноватый юноша с кудрявыми светлыми волосами и бледно-голубыми глазами совсем не затронул моего сердца, но мне польстило, что выпускник Марангони Париж, да еще и ученик модного дизайнера смотрит на меня, открыв рот. Мы разговорились.

– Какой писатель Вам нравится больше всего? – спросил в середине беседы Леон.

– Я не являюсь поклонником какого-нибудь писателя. Мне нравятся просто художественные произведения. Сейчас я читаю романы русского писателя Федора Достоевского. От «Идиота» я в восторге, «Братья Карамазовы» заставляют задуматься о жизни, но вот «Преступление и наказание» мне непонятно. Как можно оправдать убийство? Пусть старуха-процентщица и была злой, но она так зарабатывала себе на жизнь. Кто знает, как у нее сложилась жизнь до встречи с Раскольниковым. Может она была доброй и сердечной женщиной, делилась в молодости со всеми своими небольшими заработками, помогала родне. Но серьезные реалии того времени заставили ее пересмотреть свой взгляд на мир. Может, она в детстве чего-то не получила. «Игрок» меня возмутил. Как можно все деньги спускать на ветер? В этом произведении я не получила ответы на вопросы, – я продолжила свои объяснения.

– Катрин, Вы удивительная девушка, в таком молодом возрасте Вы задаете слишком много вопросов и много анализируете. Скажите, а как Вам Герман Гессе? Вы читали его «Игру в бисер»? – спросил меня Леон.

– О, мне эта книга очень понравилась. Йозеф Кнехт, конечно, жил в своем мире, поднимался по ступеням «все выше и выше», но за что я его ценю, так это за то, что он вернулся в реальную жизнь. Нужна большая смелость, чтобы вернуться. Да, он погиб, но может вся его жизнь до этого не имела смысла, а имела смысл именно его гибель, – я обернулась вокруг. – А может мы уже лишние на этом празднике жизни, давайте продолжим беседу в другом месте?

– Да, я как раз хотел предложить Вам прогуляться. Здесь недалеко находится чудесный парк, мы могли бы продолжить разговаривать в более спокойном месте, – согласился со мной Леон.

Мы быстро собрались и вышли. По небольшой улочке дошли до парка. В парке было чудесно. Птицы пели. Повсюду витал запах цветов. Нас окружали клумбы с желто-пурпурными ирисами, белыми и желтыми лилиями, фиолетовыми клематисами, ярко-красными, алыми, желтыми, розовыми, белыми розами.

Мы присели на скамейку. Беседа наша продолжалась больше часа. Затем Леон пригласил меня на чашечку кофе. Я к тому времени уже проголодалась и попросила заказать пирожные. Поскольку обожаю капучино, то выпила не одну, а две чашки, Леон же пил черный кофе. Он поделился своими соображениями насчет показа. Сказал, что знаменитый дизайнер хочет привлечь его для создания летней коллекции. Леон Дюбуа рассказал про свою семью, сказал, что все его родственники были против его профессии, отец хотел, чтобы он стал конструктором, а мать архитектором. Но он не пошел у них на поводу, а решил самостоятельно пробиваться в жизни.

– Зачем мне заниматься в жизни тем, что не приносит радости. Да, они возлагали на меня большие надежды, но кто знает, может в своей области я добьюсь гораздо больших успехов, чем, если буду чертить дома или машины, – Леон посмотрел на меня, как будто ждал одобрения.

Я поддержала его. Ведь и мои родители хотели видеть меня врачом или адвокатом. Я тоже не оправдала их надежд. Я считала, что поскольку моя сестра Ирэн уже выбрала для себя профессию учителя, то могу учиться на художника по ткани.

С Леоном мы тепло расстались. Он попросил у меня мой номер телефона, и продолжить наши встречи. Номерами телефонов мы обменялись, договорившись, что встретимся в следующую субботу.

Стоит ли говорить, что с высоким стройным брюнетом мы быстро расстались, и я увлеклась Леоном.

Глава 3

– Катрин, расскажите, пожалуйста, о вашей свадьбе. Я читала, что платье Вам шил сам Леон. А как же приметы, что нельзя видеть невесту в свадебном платье, – попросила Натали.

– Да, нельзя, но Леон сказал, что никому не доверит платье для меня, – ответила я. – Я выходила замуж на четвертом курсе, будучи беременной. У Леона была небольшая квартира в Париже, он снимал ее со своим другом. Когда друг женился и переехал в свой дом, я переехала жить к своему жениху. Мы жили около года, и я забеременела. Леон тут же пригласил меня познакомить со своими родителями и поставил их в известность, что мы женимся. Его родители восприняли новость с радостью. Мои родители не пришли в восторг от этой новости, ведь мне надо было еще доучиться, и хотя я получала стипендию, так как хорошо училась, но они меня содержали. Леон сказал, что все расходы по свадьбе и дальнейшей моей учебы примет на себя. Он не обещал мне роскошной свадьбы, но скромную церемонию с присутствием небольшого количества гостей мог себе позволить. Он тогда уже ушел в «свободное плавание», так

сказать, стал сам создавать свои коллекции, и небольшие доходы появились. Родители ему не поверили, но деваться было некуда, я твердо стояла на своем, что хочу быть замужем только за ним, и ребенка тоже очень хочу.

Я достала фотографии с нашей свадьбы. Еще была жива моя мама и его родители, мы все стояли вместе, с сестрами и их мужьями. Тогда появились цветные фотографии, и фотограф был профессионалом. Я рассказала Натали, что эту сцену фотограф переснимал раз десять, пока не достиг совершенства. Отдельно были сняты с мужем, а еще была я одна, держала скромный букет невесты. Я хотела, чтобы Леон мне сшил платье с розовыми цветами, даже нарисовала эскиз платья. Но мой жених решил, что свадебное платье для меня должно быть белым с голубым цветом. Ведь мы познакомились на показе мод под названием «Брызги моря».

– Боже, – пригляделась Натали к фотографии, – я бы тоже хотела выйти замуж в подобном платье.

Я вышла из комнаты и пошла в спальню. Достав из шкафа свое подвенечное платье, я показала его Натали.

Да, было от чего прийти в восторг. Платье на первый взгляд было очень простым, но детали придавали ему шарма. Оно было из белого шелка, с открытыми плечами, рукава плавно спускались вниз и расширялись к ладоням. Низ рукавов был голубого цвета. Я помню, как мучился Леон, который не знал, какой краской покрасить их. Ведь тогда не было еще современных технологий для покраски деликатных тканей. Он хотел, чтобы белый цвет плавно перетекал в голубой. После шестой попытки у него все получилось. Верх платья был обшит тонкими нежно-голубыми лентами, пояс из голубого атласа. На юбке было пять оборок из тюля, внизу очень аккуратно обшиты голубым, что напоминало нам обоим ласковое средиземное море. Фата была белой, но крепилась она к венку из мелких лазурных цветов. Я еще принесла нежно-голубые лаковые туфельки на небольшом каблучке. Помню, что купить такие туфли было очень сложно. Муж через знакомых купил мне их у одного итальянского обувщика.

– Самое интересное, – продолжила я свой рассказ, – что платье не видел никто из наших родных, только муж и я знали, в чем я пойду на свадьбу. Наши сестры и мои подружки ахнули, когда я вышла к ним. Мама и свекровь придиричиво рассматривали его, но нашли его красивым.

– Но почему не розовое? – спрашивали они меня, я ответила, что так решил Леон, так как мы очень любим море.

– И небо, – добавил тогда Леон. – Небо в безоблачный яркий день на море.

– Церемония была скромной, – я продолжала повествование. – Пастырь одной небольшой церкви на окраине города нас обвенчал. Обед мы заказали в ресторане, находившемся неподалеку от церкви. А потом отправились в свадебное путешествие на острова. Муж пообещал мне, что, когда разбогатеет, прокатит меня в карете, запряженной парой лошадей. И ведь сдержал свое обещание. На 25 лет со дня нашей свадьбы он заказал карету и прокатил меня по центру Парижа.

– Катрин, вы такая молодец, сохранили свою фигуру, ведь Вы и сейчас можете спокойно надеть свое платье, – с восхищением смотрела на меня Натали.

– Ну, я иногда надеваю его, когда никто не видит, только Вы об этом не пишете, а то читатели скажут, что бабушка в маразм впала, – со смехом сказала я. – Послушайте, Натали, а Вы не замужем?

– Нет, у меня есть мужчина, но я сейчас на пике карьеры и не хочу выходить замуж. Вдруг дети появятся, а у меня заказы есть. Мой редактор не хочет, чтобы я прерывала карьеру рождением детей, – со вздохом сказала Натали.

– Вы не правы, семейная жизнь совершенно не мешает карьере, а наоборот помогает, – стала я ей внушать. – Вы не представляете, сколько красивых эскизов я нарисовала, когда была беременна. Как будто кто-то двигал моей рукой. А сны, мне снились вещие сны. И ведь все сбылись. Когда я была беременна сыном Даниэлем, мне снился мой муж, стоявший на вершине

горы и смотревший на горизонт, а я как будто медленно поднималась к нему. Он протянул мне руку и втащил на гору. В одной стороне я видела большие города, в другой маленькие деревушки, повернувшись, увидела вдалеке море. И после этого сна я поняла, что у мужа начнется расцвет карьеры. Он много шил, часто подолгу задерживался на работе. Я, как могла, поддерживала его. Перед своим вторым показом, как раз перед родами, он ночевал на работе. Я практически его не видела. Но это того стоило. Второй показ у него был зимней одежды. Это сейчас дизайнеры используют всякие дешевые ткани, синтепон и другие наполнители, а тогда только шерсть. Подкладка тоже должна быть идеальной. Именно по подкладке многие ценили и ценят сейчас одежду модельеров.

В университете мне пришлось взять академический отпуск перед родами. А после я перешла на заочное отделение. Парсонс Париж я закончила с отличием. Профессор, который курировал меня, остался очень довольным. Даниэль родился у нас осенью, в сентябре. Я помню, что очень мало спала, похудела, молоко быстро закончилось и приходилось покупать дорогие смеси. Сын рос беспокойным, болел животик, рано начали резаться зубки. Но мне помогали мама и свекровь. Когда они нянчились, я успевала достать блокнот и что-то нарисовать. Мои эскизы стали покупать всякие модные дома, Леон тоже использовал их в своей работе. Я не хотела его напрягать, думала, что он жалеет меня. Но, используя мои ткани, он много шил, перед другими модельерами хвастался, что у нас безостановочное производство. После таких рекомендаций мое имя тоже стало на слуху. Я стала чаще рисовать, но меньше красить сама, пока рос Даниэль. Через пять лет у нас родилась дочь Дениза. Леон смог позволить нанять ей няню, так как мама и свекровь постарели и не могли меня отпускать подолгу. Денизу я кормила грудью до года, когда уезжала до вечера, то сцеживала молоко, а потом она сама перестала сосать, так как попробовала много другой еды. Тут я немного расслабилась, мы оставили ее и Даниэля с няней и нашими родителями и поехали отдыхать с мужем вдвоем на море. Муж подустал, немного выдохся, хотел набраться новых впечатлений. Именно после нашего отпуска ему пришла идея создать коллекцию купальников и нижнего белья, которая сделала его знаменитым на всю Европу.

Глава 4

– Господи! Ну, наконец, мы одни! Дорогая, я снял виллу на пару недель. Не думаю, что ты выдержишь две недели в одиночестве, да тебя никто и не призывает, но я очень хочу хотя бы 5 дней побыть только с тобой наедине и без слуг, которые только и делают, что спрашивают, что подать, куда подать, – сказал Леон Дюбуа, повернувшись к жене.

– Леон, я, конечно, буду твоей работой на эти дни, но и мне бы хотелось отдохнуть от этих вечных детских «подай да принеси». Двое маленьких детей, работа – это большая нагрузка на молодой организм женщины. А ты уверен, что продукты, который ты закупил, хватит на весь наш отпуск? – спросила Катрин.

– Конечно, я все предусмотрел. Фруктов и овощей вдоволь, морозилка забита рыбой и морепродуктами, мясо я решил не заказывать. Так как и мне, и тебе нужна легкость, чтобы не только отдохнуть от Парижа и детей, но и чтобы вдохновение снова меня посетило. Ты заметила, что оттенки синего и красного уже не так привлекают наших клиентов. Мужчины и женщины предпочитают темные тона – черный, серый, коричневый. А ведь в природе так много красок. Не обязательно использовать красный, можно алый или оранжевый, зеленый можно не яркий, а салатный. Эх, мне бы что-то новое придумать. Осенняя и зимняя коллекции почти готовы, хочу весеннюю и летнюю создать на следующий год. Ну, это в будущем, а сейчас море, солнце и песок, и никаких посторонних! – Леон подпрыгнул, покрутился на одном месте и побежал на кухню за шампанским.

Катрин накрыла маленький стол скатертью, красиво разложила фрукты и сыр, вытерла насухо бокалы. Пока она терла бокалы, которые были из хрусталя, ей пришла идея сделать

рисунок ткани как бы трехмерным. Если сзади бокала приложить желтую салфетку, то прозрачная часть становится желтым, но, тем не менее, он не стал сам желтым, так как грани хрустала оставались прозрачными. Катрин взяла блокнот и стала рисовать. Пока муж охлаждал шампанское до определенной температуры, рисунок был готов.

– Ну, милая, ты не устала меня ждать? – спросил Леон.

– Нет, любимый, посмотри, какая идея пришла мне в голову. Ведь можно же нарисовать такой рисунок на ткани или только на бумаге он может существовать? – протягивая блокнот, обратилась к мужу Катрин.

– Красотища, я могу воплотить этот рисунок на женской блузке как раз из весенней коллекции, – с восторгом вымолвил Леон. – Вот о чем я тебе твердил с самого начала нашего отъезда, что необходимо взглянуть на мир под другим углом зрения, тогда рождаются идеи, а так все одно и то же каждый день, поэтому ты и немного скисла, ну я тоже.

– Я тебе покажу, как я скисла, – сказала Катрин и набросилась на мужа с поцелуями.

Она гладила его по кудрявой шевелюре, по спине, целовала губы, щеки, даже нос не остался без ее внимания. Леон понял, что шампанское ему придется потом снова охлаждать, но несколько не огорчился, а взял на руки Катрин и понес в спальню. По дороге он несколько раз останавливался и страстно целовал жену, она отвечала ему взаимностью. В спальне они оба прыгнули на большую кровать, укрытую розовым балдахином, и прильнули друг к другу. Было сладко и нежно. Катрин с радостью отметила про себя, что, несмотря на располневшее после родов тело, до сих пор привлекательна для Леона, ее единственного и любимого.

Леон же понял, что очень сильно соскучился по жене, что любит и хочет быть только с нею одной. Работая в индустрии моды, многие дизайнеры переметнулись к более молодым женщинам, в основном, к моделям или богатым дамам, но он оставался верен своей Катрин, так как это был не только любовный, супружеский, но и творческий союз двух единомышленников, которые делают красивую одежду.

После любовной агонии было шампанское и фрукты, а также кусочки вкуснейшего сыра. Леон предложил сходить на пляж. Катрин надела самый лучший купальник свой, легкое платье, шляпу, взяла корзинку с фруктами и соком, и они вышли из дома.

Они много купались, загорали, Катрин даже пыталась читать Ремарка, но беззаботное времяпрепровождение не способствовало проникнуться к Ремарку всей душой.

Так прошло несколько дней.

Каждое утро Катрин звонила маме узнать, как там они сами и дети. Мама давала подробный отчет о проказах детей. Но в целом было все нормально.

Леон отлучался куда-то ненадолго, а потом Катрин узнала, что он заходил в местный магазин и узнавал новости.

Как-то он вбежал в дом, взял блокнот и убежал снова, потом через некоторое время вернулся и позвал с собой Катрин. Они вышли из виллы и пошли вдоль поселка, дошли до пляжа и свернули куда-то в кусты, там шла небольшая тропинка, которая привела их до нудистского пляжа. Леон показал пальцем не шуметь, а потом сел и стал зарисовывать тела людей, лежащих на песке, но лиц он не рисовал, только контур головы.

Катрин пыталась возмутиться, но Леон сделал жест «не мешай!», и продолжил рисовать. Катрин сидела пунцовая, она отвернулась и смотрела на море.

Леон зарисовал несколько обнаженных людей, больше женщин, чем мужчин, а потом стал цветными карандашами рисовать одежду. Он рисовал плавки и купальники. Катрин привлек один рисунок: это точно были трусики и лифчик, но нарисовано было все очень нежно и тонко, очень тоненькие бретельки, маленькие чашечки, нежные аккуратные ажурные трусики. Она пришла в восторг. Вот о чем говорил Леон, ему были нужны эти люди, чтобы их одеть, пусть и так, но закрыть неприличные места.

Они очень медленно повернулись и пошли прочь, к себе на виллу. Леон попросил его не беспокоить, принести еду и оставить наедине. Катрин поняла, что творческий процесс пришел в движение, и нужно сделать так, как муж просит.

Сама же она пошла на обычный пляж и продолжила читать Ремарка.

Отпуск подходил к концу, было выпито много шампанского, съедены все морепродукты, сыр, рыба, даже заказывали в местном магазинчике копченое мясо. У Катрин блокнот был наполовину изрисован эскизами тканей, у Леона почти была создана первая коллекция нижнего белья и купальников с плавками под названием «Адам и Ева».

Глава 5

Вернувшись в Париж, отдохнувшие и набравшиеся новых идей, Катрин и Леон принялись за дело. Все эскизы, которые создал Леон, он тут же показал своему помощнику Роберту Мерсье. Мерсье был прагматик. Он считал, что вдохновению в таком ответственном деле, как пошив модной одежды, не место. Только изучение тенденций в моде, только изучение спроса покупателей поможет выработать стратегию развития модельного дома, который к тому времени собирался выкупить Леон, а пока платил за аренду огромные по тем временам деньги.

Быстро вдохновляющийся Леон и вечно недоверчивый Роберт отлично дополняли друг друга. Роберт пришел в модельный дом через год после его открытия. Он показал свои эскизы, поговорил с Леоном, который искал себе помощника, так как разрывался между пошивом и организационными мероприятиями, и был тотчас же принят на работу. На собеседовании Леон выяснил, что Роберт прекрасно знает историю моды, очень много читает по развитию тенденций в моде, является прекрасным организатором. Леон понемногу стал передавать дела Роберту, все, что касается организационной части, а также бухгалтерию и документацию. Роберт, однако, не спешил отрываться от создания коллекций. Леон хотел только кроить и шить, но он стал советоваться не только с женой, но и с Робертом. У Роберта был к тому же безупречный вкус. Ему очень нравился английский деловой стиль, и везде, где можно, он использовал четкость и лаконичность линий, цвета и безупречность пошива. Это не всегда нравилось Леону.

Леон к этому времени стал уже довольно успешным модельером, богатые и знаменитые люди стали заказывать у него одежду. После показов одежда в коллекции Леона не задерживалась, ее очень быстро покупали и заказывали снова. Поэтому деньги потекли рекой. Но к тому времени родилась Дениза, было двое детей, он помогал родителям, поэтому на выкуп здания под модельный дом пока не хватало.

Роберт служил Леону определенным шлагбаумом. Леон хотел потратить на ткани, допустим одну сумму, а Роберт говорил, что в данной модели можно там обрезать, тут убрать, и сэкономить немного денег. Друг с другом у них шли ожесточенные споры, никто не хотел уступать, поэтому приходилось прислушиваться друг к другу, поэтому не было перебора в деталях в одежде, как любил Леон, и не было строгой лаконичности, как обожал Роберт, клиенты ценили работу модельного дома и все чаще заказывали одежду у них. Но когда Леон был на высокой ступени вдохновения, даже Роберт ничего не мог поделать. Леон в голове как бы видел конечный результат, как бы «слушал овации зрителей», и не мог остановиться.

Так было и на этот раз. Леон пришел к Роберту в кабинет и показал ему эскизы. Роберт схватился за голову, ведь они никогда не создавали линию нижнего белья, купальников и плавок:

– Леон, Вы уже семь лет, как производите платья и верхнюю одежду, с чего это такой скачок?

– Друг мой, нам необходимо посмотреть на мир иначе, что мы и сделали с Катрин в отпуске. Кстати, я утащил ее блокнот, пока она спала после путешествия, посмотрите, что из

ее эскизов можно использовать в нашей летней коллекции на следующий год, а то, что нам не будет нужно, она предложит в другие дома, – сказал Леон, приплясывая на одной ноге.

Роберт посмотрел на него с недоверием, но он знал, что спорить с Леоном, когда он в таком приподнятом состоянии, бесполезно. Помощник выбрал эскизы тканей для летней коллекции от Катрин, хотя в первый раз он захотел забрать все, настолько интересными были рисунки. Это и диагональные линии, и целая композиция из разных полевых цветов, нежно-розовые розы и белоснежные лилии, крупная клетка, в которой были вставлены клетки поменьше и еще меньше, желтые зайчики на бело-голубом поле. «Пожалуй, зайчики нам вряд ли пригодятся» – подумал Роберт, и все же оставил этот эскиз. Раз будет коллекция нижнего белья и купальников с плавками, необходимо прикрыть это бесстыдство каким-нибудь ярким пятном. А вот эскиз, на котором были нарисованы ярко-красные пятна, переходившие потом в спирали, он решил не брать. «Это точно не для нашего модельного дома», – подумал помощник модельера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.